Б. БУХШТАБ

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

ПЕНЗЕНСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

Областная
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова
Областной
абонемент

3677 22/III

ОК

751883

Б. БУХШТАБ

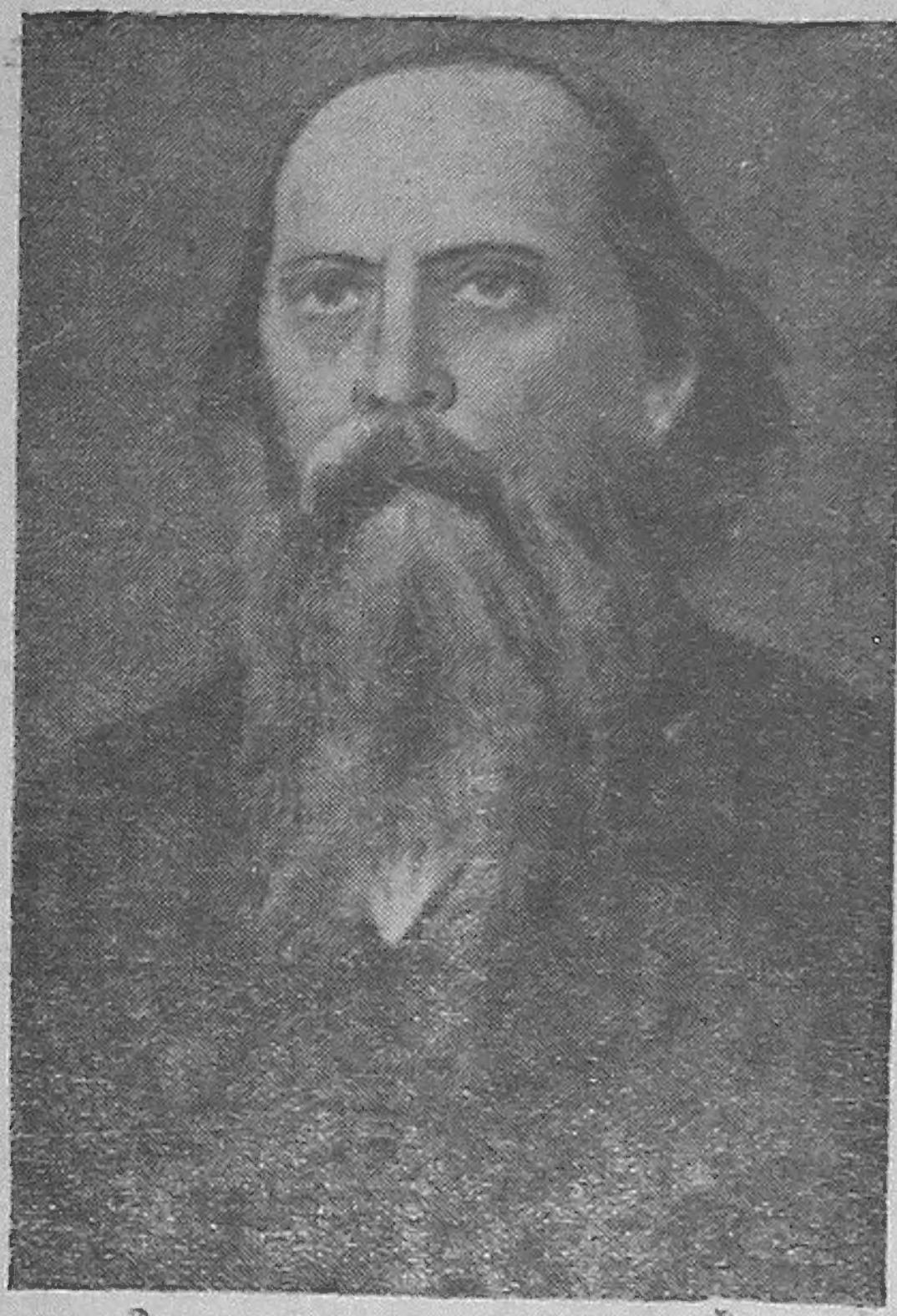
МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Пензенская обл. Библиотека
им. М. Горького
Абонемент

Пензенское областное издательство
1 9 4 7

ПРОВЕРЕНО

9



С портрета работы Крамского.

Шенкурская сбл. Библиотека
им. М.В. Ломоносова
АС-

I.

Михаил Евграфович Салтыков, писавший под псевдонимом „Н. Щедрин", —один из величайших сатириков мировой литературы.

Талант сатирика—самый редкий среди литературных дарований. Многое должен соединить в себе писатель, чтобы создать сатиру, достойную этого имени.

Четкое и ясное понимание жизни, горячая вера в свои идеалы, пристальная наблюдательность и чуткость к жизни общества, бурное негодование при виде неправды и несправедливости, сильная фантазия, острая, едкая насмешливость—вот качества сатирика. Ими Щедрин был одарен в высшей степени.

Щедрин неустанно разоблачал ложь, несправедливость и жестокость уклада крепостнической и капиталистической России. Он смело и резко критиковал её общественное устройство, обличал господствующие классы, поднимаясь до широких социальных обобщений. Своей правдивой и беспощадной сатирой Щедрин звал к протесту, к борьбе, осуждал покорность угнетателям.

Многие революционеры на книгах Щедрина оттачивали свое уменье распознавать врагов, воспитывали свою ненависть к угнетателям народа.

Щедрин был одним из любимых писателей Маркса.

„Когда Марксу было уже 50 лет,—вспоминает Поль Лафарг,—он принялся за изучение русского языка, и, несмотря на трудность этого языка, настолько овладел им через каких-нибудь шесть месяцев, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина".

Очень любил Щедрина Ленин. Он часто в своих речах и статьях цитировал меткие фразы Щедрина, применял щедринские определения и образы, характеризуя врагов революции. На страницах сочинений Ленина мы встречаем и тройку жадных и бесстыдных кулаков—Дерунова, Колупаева и Разуваева, и сумасшедшего бюрократа Угрюм-Бурчеева, задавшегося целью искоренить и разрушить все живое, превратить своих подданных в каких-то заводных истуканов, и бессовестного адвоката-рвача Балалайкина, и, наконец, Иудушку, бессмертного щедринского Иудушку, кровопийцу, ханжу и пустослова, именем которого Ленин многократно клеймил Троцкого.

В работах Ленина образы и определения Щедрина применены сотни раз. „Помпадуры",

„пенкосниматели“, „государственные младенцы“, „игрушечного дела людишки“, „пошехонцы“, „живоглот“, „дикий помещик“, „караси-идеалисты“ — и много, много других образов взял Ленин, как боевое оружие против врагов революции, из арсенала щедринского творчества.

Часто обращается к образам Щедрина и товарищ Сталин. В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года он сказал:

„Существуют некоторые околопартийные обыватели, которые уверяют, что наша производственная программа нереальна, невыполнима. Это нечто вроде „премудрых пескарей“ Щедрина, которые всегда готовы распространять вокруг себя „пустоту недомыслия“.

В докладе о проекте Конституции СССР товарищ Сталин использовал образ щедринского „ретивого начальника“, приказавшего своим подчиненным „закрыть снова Америку“. Этому начальнику товарищ Сталин уподобил германских фашистов, мечтавших о таком же „закрытии“ Советского Союза. И, заканчивая свое сравнение щедринской же фразой, товарищ Сталин напомнил тогда, что „сие от них не зависит“.

Творчество Щедрина очень разнообразно: романы, рассказы, рецензии, очерки, фельетоны, критические и публицистические статьи, сказки. И все — своеобразное, самобытное, не похожее на сочинения других писателей.

У Щедрина, например, много сказок о жи-

вотных: перед нами проходят „самоотверженный заяц“ и „здравомысленный заяц“, „премудрый пескарь“ и „карась-идеалист“, „орел - меценат“ и „ворон - челобитчик“, „коняга“ и „гиена“и множество других звериных образов. Но в этих образах с необычайной силой обобщения воплощены типы современной Щедрину России: болтун-либерал, невежественный бюрократ, реакционный газетный клеветник, воинственный „усмиритель“ народа, надрывающийся над работой крестьянин, трусливый обыватель...

Щедрин выработал в своих сатирических произведениях особый иносказательный язык, который он сам назвал „эзоповым языком“,—по имени легендарного древнегреческого писателя, баснописца Эзопа. Этим названием Щедрин подчеркивал иносказательность своей сатиры, сближая ее с классической литературной формой иносказания—басней. Но он подчеркивал еще и вынужденность иносказания. Эзоп ведь, по преданию, был рабом и вынужден был говорить обиняками, чтобы прямой речью не разгневать своего господина.

В то же время полный едкой иронии щедринский стиль являлся не только орудием защиты от цензуры, но и орудием нападения на идеологические позиции и политическую практику господствовавших классов.

Наряду со сказочными иносказательными образами Щедрин дал в своих произведе-

ниях множество самых реальных зарисовок человеческих характеров, типов и судеб. Без преувеличения можно сказать, что Щедрин оставил нам полную картину жизни всех слоев и классов России за полвека.

Перед нами проходит вереница чиновников--от блестящих столичных сановников до полунищего писца в маленьком городишке, который получает один рубль в месяц и, идя по улице, „с камешка на камешек пробирается", чтобы не порвать [illegible] ных сапог.

Перед нами предстают многообразные „хищники" и „пенкосниматели", банкиры и подрядчики, откупщики и арендаторы, „ученые" экономисты и „либеральные" публицисты, утверждающие и прославляющие власть капитала.

Целая картинная галерея помещиков—и дореформенных и потерявших крепостные „души" -дана в сочинениях Щедрина. Тут и владельцы целых уездов, и владельцы избы и четырех крепостных. Тут хлебосолы, которые просаживают состояния на еду и угощения и кончают жизнь лакеями в ресторане, тут и скупцы, которые морят голодом крепостных и даже собственные семьи, в то время как в кладовых портятся и гибнут десятки пудов запасенной провизии. Тут и помещики-работяги, которые с раннего утра на пашне или косьбе следят за крестьянскими работами, избивая работников нагайкой за каждый „огрех", тут и ленивые

помещики, проводящие время в бесцельных и бездельных мечтах, в то время, как крестьян сечет немец-управляющий.

Мы впдим крепостную деревню, изнуренную непосильной работой на барина, и деревню после освобождения крестьян, когда место барина занял новый кровосос—деревенский кулак, впервые изображенный во весь рост в очерках Щедрина. Первый из русских писателей Щедрин осознал и показал эту новую язву народной жизни. Многие революционеры вспоминали о том, каким откровением был для них в ту пору этот освещенный Щедриным тип мироеда, запутывающего крестьян в свои сети и продажей, и покупкой, и долгами, и кабаками.

Обратимся теперь к истории жизни этого замечательного писателя.

II.

Михаил Евграфович Салтыков родился 15 (27) января 1826 года в селе Спас-Угол Тверской губернии, в помещичьей семье. Свое детство он правдиво описал в знаменитой книге „Пошехонская старина". Детство было наредкость безотрадное. Семья была богатая, но жизнь в ней была грубая, скаредная, жестокая и некультурная.

„В семействе нашем,—вспоминал Салтыков,—царствовала не то чтобы скупость, а какое-то упорное скопидомство. Всегда казалось мало, и всего было жаль. Грош прикладывался к грошу, и когда образовывался гривенник, то помыслы устремлялись к целковому".

В доме безраздельно царила мать—властная, крутая женщина, перед которой трепетали не только ее крепостные, но и все члены семьи.

В память писателя с раннего детства врезались картины крепостного насилия.

„Я вырос на лоне крепостного права,—писал Салтыков,—вскормлен молоком крепостной кормилицы, воспитан крепостными мамками и, наконец, обучен грамоте крепост-

ным грамотеем. Все ужасы вековой кабалы я видел в их наготе".

„Я видел разумные существа, которые, зная, что в данную минуту их ожидает истязание или позор, или сами, или собственными ногами, чтоб получить это истязание или позор... В царстве испуга, желудочного деспотизма, физического страдания нет ни одной подробности, которая бы минула меня, которая в свое время не причинила бы мне боли".

Таковы были первые источники протеста против насилия и рабства, протеста, проходящего через все творчество Салтыкова.

Десяти лет от роду Салтыков был отвезен в Москву и отдан в Московский дворянский институт, а затем переведен в Царскосельский лицей, который за 20 лет до того окончил Пушкин. В свое время это были хорошие учебные заведения, но режим Николая I всюду внес казенный, мертвящий дух, и Салтыков впоследствии без благодарности вспоминал о школе. „Там царствовало лишь педантство и принуждение", — писал он.

Однако в лицее Салтыков попал в круг молодых людей серьезных, развитых, мечтавших о благе родины и понимавших, какие язвы разъедают жизнь России. В этом кругу жадно поглощались статьи трибуна революционной демократии Белинского; серьезное чтение и взаимное общение помогали

освобождаться от предрассудков дворянского воспитания и мышления, и из лицея Салтыков выходит убежденным противником крепостного права и всякого угнетения человека человеком.

В лицее окрепло и тяготение Салтыкова к литературному труду. Еще лицеистом Салтыков начал печататься в журналах,—в ту пору он писал стихи.

Окончив лицей в 1844 году, Салтыков должен был поступить на службу и был определен мелким чиновником в военное министерство. Служба интересовала его менее всего; он лишь отбывал положенное служебное время. Салтыков усердно работает над своим мировоззрением: он читает философов-материалистов, увлекается французской художественной демократической литературой,— в особенности романами Жорж Занд и Гюго,— и, главное, он жадно тянется к литературе французского утопического социализма.

„В Петербурге мы существовали лишь фактически. Ходили на службу в соответствующие канцелярии, писали письма к родителям, питались в ресторанах, а чаще всего в кухмистерских, собирались друг у друга для собеседований и т. д. Но духовно мы жили во Франции. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что „золотой век“ находится не позади, а впереди нас“.

Салтыков примкнул к большому кругу социалистически и революционно настроенной петербургской молодежи, группировавшейся вокруг Петрашевского—бывшего воспитанника лицея, с которым Салтыков был знаком еще в свои школьные годы. На собраниях у Петрашевского читали произведения социалистов, вели беседы о будущем социалистическом устройстве человеческого общества. Здесь в революционно-демократическом духе обсуждались насущные вопросы русской жизни, ее коренные беды, необходимые, назревшие реформы и пути к их осуществлению.

Через несколько лет собрания у Петрашевского были обнаружены правительством, и участники их жестоко пострадали. Салтыков не был привлечен к „делу Петрашевского"; в это время он находился уже вдали от Петербурга.

Оставив навсегда стихи, Салтыков в пору своей петербургской службы пытался создать произведения, отражающие его коренные интересы и выражающие его мировоззрение. В 1847 году появляется его первая повесть „Противоречия", в 1848 году вторая—„Запутанное дело."

„Запутанное дело" вышло в свет непосредственно после французской революции 1848 года, в то время, когда испуганное правительство Николая I чрезвычайно усилило административный и цензурный гнет. Повесть произвела переполох. Это была по-

весть о бедных людях, обездоленных сытыми и хищными. В ней Салтыков если не прямо, то намеками поставил вопрос о революционной борьбе против эксплоататоров.

Поднялось дело. Салтыкову грозила отдача в солдаты, а в эпоху Николая I это наказание было очень тяжелым. Но нашлись заступники, и наказание ограничилось ссылкой в Вятку, на службу в канцелярию губернатора.

В Вятке Салтыков прослужил почти восемь лет—с 1848 по 1855 год. Все попытки вырваться, перевестись в другой город были напрасны.

Салтыкову повезло в одном отношении: тогдашний вятский губернатор Середа был человек порядочный, он не только не преследовал ссыльного чиновника, но, быстро оценив его знания, способности, честность и энергию, стал выдвигать Салтыкова. На третий год вятского житья мы видим уже Салтыкова на крупной, ответственной должности советника губернского правления. Тосковавший в вятском обществе Салтыков со свойственной ему энергией погрузился в служебные дела. В ту пору он еще надеялся приносить пользу своей стране на посту чиновника, борясь с воровством, взяточничеством, беззаконием и насилием...

Дела Салтыкову поручались самые разнообразные: тут были и следствия, и ревизии, и составление различных отчетов и

описании, и организация выставок, и хозяйственные дела. Салтыков много раз исколесил Вятскую губернию, соприкасался и с чиновниками, и с купцами, и с крестьянами, узнал русскую жизнь так, как не знал ее ни один писатель того времени.

В 1855 году, после неудачной войны и смерти Николая I, наступила эпоха либерализма, „эпоха реформ". Салтыкова выпустили из Вятки с правом „проживать и служить, где пожелает". Салтыков переехал в Петербург и с 1856 года начал печатать рассказы под общим названием „Губернские очерки". В этих рассказах он широко использовал свои вятские впечатления. Провинциальная жизнь отразилась в „Губернских очерках" широко—от гостиной губернатора до камеры острога,—и отразилась она „будничными, горькими, режущими глаза сторонами".

„Губернские очерки" взволновали всю читающую Россию,—так ярко и правдиво были в них показаны плутни чиновников, их подхалимство, взяточничество и вечное пьянство, бездельная и пустая жизнь помещиков, тяжелое положение народа под гнетом бар и подьячих.

„Губернские очерки" мы считаем не только прекрасным литературным явлением,— писал Чернышевский,—эта благородная и превосходная книга принадлежит к числу исторических фактов русской жизни. „Губернскими очерками" гордится и долго будет гордиться наша литература. В каждом

порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими, и полезнейшими, и даровитейшими детьми нашей родины".

В эпоху начала государственных реформ, в недолгую пору правительственного либерализма, правительство, казалось, само стремилось преследовать злоупотребления чиновников и помещиков. И обличитель Салтыков был признан подходящим человеком, чтобы искоренять то, что он обличал.

В 1858 году, вскоре после выхода „Губернских очерков" отдельной книгой, Салтыков был назначен вице-губернатором Рязанской губернии, в которой незадолго до того были обнаружены крупнейшие злоупотребления и мошенничества.

Здесь Салтыков вскоре стал предметом ненависти чиновников-взяточников, которых он выгонял со службы, и помещиков, которых он отдавал под суд за зверское обращение с крепостными.

„Я не дам в обиду мужика!—говорил Салтыков. —Будет с него, господа... Очень, слишком даже будет!".

Через два года Салтыкова перевели из Рязани на ту же должность в Тверь, но он и там „не ужился", тем более, что период либеральной политики царского правительства быстро окончился, а для реакционной политики Салтыков был человеком совсем не подходящим.

В 1862 году Салтыков вышел в отставку, в надежде целиком отдаться литературной работе и, переехав в Петербург, стал ближайшим сотрудником и фактически одним из редакторов лучшего в то время журнала „Современник".

То, что Салтыков примкнул именно к „Современнику", показательно для его идейного роста. Преодолев либеральные иллюзии 50-х годов, он сближается с революционно-демократическим лагерем. „Губернские очерки," создавшие ему литературную славу, печатались в либеральном тогда журнале „Русский вестник". „Современник" же, издававшийся поэтом Некрасовым, был выразителем революционно-демократических стремлений русской мысли и жизни. К концу 50-х годов писатели дворянского либерализма, во главе с Тургеневым, порывают с „Современником" и перестают печататься в нем. Руководимый вождями революционной демократии Чернышевским и Добролюбовым, журнал Некрасова становится однородным в своей художественной и публицистической части.

Но в 1861 году умер Добролюбов, а в 1862 году был арестован и навсегда изъят из литературной и общественной жизни Чернышевский. Руководящее положение в журнале заняли критики и публицисты расплывчатого мировоззрения и притом лишенные таланта и широты взглядов Чернышевского и Добролюбова. В это-то время к

журналу примкнул Салтыков. В течение 1863—1864 годов он является основной литературной силой „Современника". Он работает и как беллетрист, и как публицист, и как рецензент, и как редактор.

Однако уже с начала 1865 года мы находим Салтыкова вне литературной жизни, снова на чиновничьей службе,—в далекой Пензе. На пензенском периоде жизни Салтыкова мы подробно остановимся в этой книжке.

III.

3 февраля 1865 года в „Пензенских губернских ведомостях" появилось следующее краткое сообщение:

„Назначенный по приказу г-на министра финансов от 6 ноября 1864 года председателем Пензенской казенной палаты статский советник Михаил Евграфович Салтыков с 14-го января 1865 года вступил в должность".

Чем был вызван такой крутой перелом в судьбе писателя? Мы видели, что в 1862 году он оставил крупный административный пост и вышел в отставку, чтобы целиком посвятить себя литературному делу, которому и предался со свойственной ему кипучей энергией и неимоверной трудоспособностью. Что же вынудило его так скоро порвать с литературой, снова уехать из столицы в глухую в то время провинцию, снова взвалить на себя труд администратора, всегда крайне тяжелый при добросовестности, инициативности и политическом направлении Салтыкова?

Писательница А. Я. Панаева, в ту пору жена Некрасова, объясняет в своих воспо-

М. Е. Салтыков-Щедрин в 1860-х годах.
С фотографии.

Мйнаниях решение Салтыкова жестокими преследованиями цензуры, все более свиреневшей в эту эпоху нарастающей реакции.

„Салтыков явился в редакцию в страшном раздражении и нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что можно околеть с голоду: если писатель рассчитывает жить литературным трудом, то он не заработает на прокорм своей старой лошади, на которой приехал; что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда какой-нибудь вислоухий камергер имеет власть не только исказить, но запретить печатать умственный труд литератора, что чиновничья служба имеет пред литературной хотя то преимущество, что человека не грабят, что он каждое утро отсидит известное число часов на службе и получает каждый месяц жалованье, а вот он теперь и свищи в кулак. Салтыков уверял, что он навсегда прощается с литературой и набросился на Некрасова, который, усмехнувшись, заметил, что не верит этому".

Весьма вероятно, что преследования цензуры сыграли основную роль в неожиданном повороте судьбы Салтыкова, но, быть может, к ним надо присоединить и неудовлетворенность Салтыкова его положением в „Современнике". Повидимому, у него были какие-то нелады и трения с малоудачными преемниками Чернышевского и Добролюбова в редакции „Современника"—Антоновичем и Елисеевым.

Е. Жуковская пишет в своих воспоминаниях:

„Одно время цензура как-то особенно урезывала его статьи, а затем у него вышли какие-то недоразумения с самой редакцией „Современника"... Рассердившись, он решил поступить опять на службу и вскоре выхлопотал себе место председателя казенной палаты в Пензе". О том же как будто свидетельствует письмо Салтыкова Некрасову из Пензы от 8 апреля 1865 года.

„Посылаю Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, нечто для помещения в „Современнике", — пишет Салтыков. — Виноват, что замешкался, но, право, было совсем некогда. В августе к 15-му числу меня вызывает министерство в Петербург, где я пробуду, по всем вероятиям, не менее как до половины сентября, а может быть, даже и до октября. В Петербург я, наверное, привезу **повесть**. Вероятно также, увижусь и с Вами. Сверх того, быть может, в бытность в Петербурге напишу и фельетон или два; ибо в Петербурге я работаю всегда как-то легче. Но все это, и в особенности фельетоны, должно пройти сквозь цензуру Вашей духовной консистории. Я и теперь иногда не прочь бы что-нибудь милое написать, да подумаешь-подумаешь и скажешь: чорт возьми да и совсем. Нехорошо писать даром. Кстати: не желаете ли, чтобы я написал хорошие и милые рецензии на романы: „Некуда", „В путь-дорогу" и „Марево"? Я напишу".

Далее Салтыков с обычной своей язвительностью критикует полемические статьи Антоновича и в заключение отрицательно отзывается о новых книжках „Современника“:

„Благодарю за книгу и за „Современник“, которым, однако ж, утешаюсь в весьма ограниченной степени“.

„Духовной консисторией“ Салтыков называет Антоновича и Елисеева—поповичей по происхождению, получивших образование в духовных семинариях и духовных академиях.

За три года—с 1865 по 1867 в „Современнике“ появился только один фельетон Салтыкова „Завещание моим детям“. Ни других фельетонов, ни повестей, ни рецензий Салтыкова не появлялось в „Современнике“. В других журналах Салтыков не печатал ничего с 1863 года, так как других журналов, близких к его воззрениям, не было.

Между тем, материальные дела Салтыкова были в тяжелом состоянии. Его мать стала требовать возврата большого долга. Тут ярко сказался ее характер. Действуя в отношении сына совершенно так же, как она привыкла действовать с посторонними должниками, она наложила запрет на доходы с имения сына. Лишенный материального обеспечения, при неверности литературного заработка, Салтыков вернулся к работе чиновника.

Но на этот раз он не пошел на хорошо знакомую ему административную губернскую службу. Быть непосредственным проводником правительственной политики Салтыков не хотел. Он пошел на работу более специального характера.

Казенные палаты были органами министерства финансов в губерниях. В их ведение входили доходы и расходы, сборы, торги, налоги, патенты, пошлины, счетоводство губернии. Салтыкову, не работавшему никогда раньше специально в области финансов, было, конечно, нелегко взять на себя управление финансами губернии, но он был человеком больших организационных и хозяйственных способностей, бесконечного трудолюбия и притом опытным администратором, не раз соприкасавшимся в прошлой своей деятельности с хозяйственными делами. И в более поздние годы, когда гнет цензуры заставлял Салтыкова снова думать об уходе от литературной работы, он предполагал искать места заместителя директора по коммерческой части какой-нибудь железной дороги. В выборе Салтыкова играло, вероятно, роль и личное знакомство с министром финансов Рейтерном—старшим товарищем Салтыкова по лицею.

Чтобы понять выбор Салтыкова, учтем еще противоречивое положение, характерное для 60-х годов: общий правительственный курс в эти годы все определеннее клонился к реакции, но в то же время замышленные

ранее реформы в различных областях государственной жизни продолжали приводиться в исполнение. В частности, годы 1863—1866 были годами проведения безусловно прогрессивных реформ в области финансов и государственного контроля. В этой реформаторской деятельности Салтыков принял участие, выходящее даже за пределы губернского масштаба.

До 1863 года в России каждое ведомство имело свои кассы, свои доходы и расходы, которые никем извне не регулировались и не контролировались. По правилам, изданным в 1863 году, все доходы страны сосредотачивались в кассах министерства финансов, все расходы велись через них же; это называлось принципом „единства касс". Салтыковым написан большой специальный труд под заглавием „Свод замечаний на инструкцию губернским и уездным казначействам на время опыта единства касс".

Принимая назначение, Салтыков надеялся иметь после служебных часов досуг для литературных занятий, но запущенность дел в Пензенской казенной палате, неимоверная энергия и добросовестность Салтыкова, новизна дела—все это лишало Салтыкова возможности заниматься чем бы то ни было, кроме службы. Два года, проведенные Салтыковым в Пензе, были непродуктивны для его творчества: мы не можем указать ни одного начатого и законченного в Пензе про-

изведения, кроме упомянутого фельетона „Завещание моим детям".

„... Я весь погряз в служебной тине, которая оказывается более вязкою и засасывающею, нежели я предполагал,—пишет Салтыков П. В. Анненкову 2 марта 1865 года.—Гаже и беспорядочнее здешней казенной палаты невозможно себе представить; мало того, что она отнимает у меня все время, но, что всего хуже, я не имею ни малейшего повода заключить, чтоб труд мой принес какой-нибудь плод **для меня** в будущем, т. е. чтобы я когда-нибудь мог приобрести необходимый для меня досуг. И все это за 3 тысячи рублей, которыми я поневоле дорожу, потому что милая моя родительница засеквестровала все доходы с моего имения и я решительно оставлен теперь на произвол судеб и министерства финансов".

Три тысячи рублей—это был годовой оклад председателя казенной палаты.

О служебной деятельности Салтыкова в Пензе сохранились немногие материалы, обнаруженные при разборе архива Пензенской казенной палаты. Виднейшее место среди них занимает „Дело пензенской казенной палаты по переписке управляющего казенной палатою Салтыкова". Большая часть бумаг, составляющих это дело, написана рукой самого Салтыкова.

Наряду с тонкостью анализа, деловой предусмотрительностью, способностью прони-

кать в самую суть вопроса, эти бумаги замечательны необычайной для подобных документов эмоциональностью. Салтыков в служебных бумагах возмущается, иронизирует, негодует,—прямой сатирик в вицмундире министерства финансов.

Он бомбардирует министерство письмами и отношениями. Его не удовлетворяет медлительность центра и неопределенность его указаний. Его волнуют вопросы о штатах, об ассигнованиях на жалованье учителям, о денежной помощи погорельцам... С особой энергией борется он с торговцами и промышленниками, не желающими платить пошлин. Салтыков принимает энергичные меры, чтобы заставить их платить. Для выявления всех торгующих без соответствующих документов он командирует во все торговые пункты губернии своих подчиненных, определяя их полномочия и действия подробнейшими, самолично им составленными, инструкциями. Владельцев предприятий, не выбирающих промысловых свидетельств, Салтыков штрафует и до уплаты взносов закрывает их заведения. При этом он следит за тем, чтобы промысловые свидетельства выбирались в строгом соответствии с доходами заведения. Сохранилось, например, отношение Салтыкова в департамент торговли и мануфактур министерства финансов, в котором он оспаривает право пензенских суконных фабрикантов, поставлявших сукно на армию, выбирать промысловые свидетельства второй

Пенза. Здание бывшей казенной палаты, в которой служил М. Е. Салтыков-Щедрин.

гильдии. Салтыков приводит ряд веских доказательств в пользу того, что фабриканты должны выбирать свидетельства первой гильдии, т. е. платить более высокий налог.

Особый интерес для характеристики личности Салтыкова представляют бумаги, в которых Салтыков хлопочет об улучшении материального положения своих подчиненных, ходатайствует о повышенных пенсиях, о разрешении раздать в награду чиновникам остатки от штатных сумм. Непосредственно министру финансов пишет он докладную записку о материальном положении чиновников казенной палаты. Он указывает на бедственное положение их, на тяжелый труд, „с утра до ночи почти не прекращающийся", просит для них „хотя такого вознаграждения, которое избавило бы труженика от тревог относительно завтрашнего дня".

По всем воспоминаниям о Салтыкове—рязанским, тверским, тульским,—он был требовательным начальником, беспощадным к взяточникам и бездельникам. У него был резкий и вспыльчивый характер. О строгости Салтыкова в обращении с подчиненными свидетельствуют и пензенские документы. Вот, например, его ответ краснослободскому уездному казначею Семенову. Семенов обратился к Салтыкову с просьбой воздействовать на волостные правления ведомства государственных имуществ, которые, представляя в казначейство окладные сборы, не указывают рода этих сборов.

Салтыков собственноручно написал ответ Семенову в таком тоне:

„И вам и подведомственному вам казначейству неоднократно разъяснялось, что счеты с волостями ведомства государственных имуществ следует вести в валовой цифре окладных сборов и что разделять их по родам сборов следует по уезду. В циркуляре моем изложен и способ...

А потому, делая вам за сие выговор, вновь предлагаю: читать циркулярные мои предписания и никогда не позволять ни себе, ни казначейству отступать от них".

Дела казенной палаты пестрят такого рода письмами и резолюциями.

Но, резкий и вспыльчивый, Салтыков был в то же время глубоко человечным начальником, всемерно старавшимся облегчить и улучшить жизнь своих подчиненных. Вот почему он вызывал к себе ненависть одних и горячую привязанность и преданность других.

Заботясь о подчиненных, Салтыков устроил при казенной палате кассу взаимопомощи. По словам пензенского журналиста Н. Быстрова, опиравшегося на воспоминания старожилов, „неслыханное для того времени дело вызвало препятствия со стороны губернатора, но М. Е. настоял на своем, и касса взаимопомощи была создана".

Салтыков завел для служащих и библиотеку. По словам того же Быстрова, „начинание не имело особого успеха. Над председателем

втихомолку подсменивались. Но когда до чиновников дошел слух, что председатель благоволит к тем, кто читает книги, количество „интересующихся литературой" значительно возросло. Предприятие, вяло работавшее ранее, несколько оживило атмосферу. Впоследствии библиотека казенной палаты стала одной из самых обширных в городе и влилась в фонд центральной".

О гуманном отношении Салтыкова к подчиненным ярко свидетельствует случай, рассказанный двумя чиновниками казенной палаты, дожившими до советской эпохи, Н. Ремезовым и Д. Пекотиным. Вот рассказ Н. Ремезова:

„М. Е. поручил одному из чиновников палаты переписать чисто, без помарок, его черновик какой-то важной бумаги для отсылки в министерство финансов. Тогда этому делу — хорошей каллиграфии за отсутствием пишущих машинок придавали большое значение, и М. Е. для переписки своего пространного отношения в центр выбрал патентованного писца-канцеляриста.

Бумагу нужно было отослать срочно, завтра же, и канцеляристу приказано было притти вечером и исполнить работу. Тот пришел, сел за переписку и, видимо, вследствие невозможно неразборчивого почерка М. Е., который не всегда можно было разобрать без помощи лупы, — скоро утомился и как положил голову на стол, так и заснул.

Беспокоясь, чтобы бумага к утру была

готова для отсылки, М. Е. около полуночи возвращаясь с заседания или из театра, зашел в палату. Смотрит - чиновник спит, а бумага только начата перепиской. Тогда он осторожно, чтобы не разбудить спящего, взял черновик, ушел к себе в кабинет и в течение нескольких часов тщательно, стараясь быть разборчивым, переписал бумагу, положил ее перед чиновником и ушел.

Глубокой ночью чиновник проснулся, смотрит на стол и глазам не верит--бумага переписана чисто-чисто самим управляющим палатой. Когда наутро М. Е. пришел на службу и занялся отправкой бумаги, он ни слова не сказал не на шутку вструхнувшему чиновнику о том, что было ночью".

Несколько иначе излагал конец этого происшествия Д. Л. Пекотин, со слов которого его записал сын сатирика К. М. Салтыков, много лет живший в Пензе и там написавший свои воспоминания об отце:

„Вышло довольно оригинально: начало бумаги было написано по всем правилам каллиграфического искусства, а конец представлял из себя нечто чрезвычайно мало понятное для всякого, кто не был знаком с отцовским почерком. Затем бумага была зарегистрирована, законвертована и направлена по адресу лично отцом. Можно себе представить весь ужас несчастного чиновника, когда он, проснувшись, не нашел на столе начатой работы. Он был вскоре успокоен отцом, приказавшим ему передать, что

он его не винит в том, что он, будучи переутомлен непосильным трудом, заснул. Что же касается работы, то и о ней не следует беспокоиться, так как она выполнена. И писец успокоился.

Можно себе также представить ту сенсацию, которую произвело появление бумаги в министерстве финансов. Бюрократы этого учреждения были поражены отцовской „дерзостью", и ему немедленно был дан нагоняй в письменной форме. Получив этот самый нагоняй, отец на обороте министерской бумаги написал: „угрозами не руководствуюсь" и, подписав, отослал ее обратно в Петербург. Все в Пензе думали, что его предадут суду за подобную продерзость. Однако, ко всеобщему удивлению, ничего неприятного для отца не произошло. Министерство на „продерзость" ничем не реагировало. После этого события уважение к моему отцу, как в пензенском обществе, так и среди подчиненных, еще больше возросло.

Когда отец покидал Пензу, служащие устроили ему самые теплые проводы. Многие плакали, расставаясь со взыскательным, требовательным, но, вместе с тем, справедливым начальником, старавшимся улучшить, насколько мог, быт невежественных, темных, но добродушных и трудолюбивых провинциальных чиновников. Его портрет был повешен в присутственном зале палаты, что означало особое к нему уважение со стороны чиновничества. До сего времени сохранилось в

целости его кресло, которое называется „щедринским".

Некоторые служащие, не желая расставаться с Салтыковым, последовали за ним в Тулу, а впоследствии и в Рязань. Когда Салтыков умер, бывшие его подчиненные по Пензенской казенной палате отслужили по нем панихиду и послали сочувственное письмо его вдове.

Не таковы были отношения Салтыкова с бюрократическими верхами и кругом пензенских помещиков.

„Оком" правительства в губернии были в то время губернские жандармские штаб-офицеры. Они были обязаны доносить шефу жандармов обо всех губернских происшествиях, толках, мнениях и сплетнях, а также дважды в год присылать характеристики всех выделяющихся в обществе людей. Вот как характеризует Салтыкова пензенский губернский жандармский штаб-офицер подполковник Глоба в „Списке лиц Пензенской губернии, заслуживающих особое внимание, с объяснением их действий и направления" от 14 января 1866 года:

„Председатель казенной палаты, Статский Советник **Солтыков**. Достаточно опытный по своей части. Вольнодумен, с озлоблением всегда отзывается вообще о дворянах. Замечательнейший интриган, с большим умением успел поселить вражду между обществом и Губернатором. Подчиненные не любят его, но дела в Палате идут довольно ог-

четливо. А супруга г. Салтыкова не стесняясь говорит в обществе о без-Божии (!) и смеется над дамами, которые соблюдают посты и бывают в церкве".

В следующем списке – от 12 июля 1866 года—повторяется та же характеристика, с таким лишь вариантом в тексте: „Замечательнейший интригант и сплетник; с большим умением успел поссорить Губернатора с дворянами и поселить между ними вражду".*)

Между этими двумя отзывами подполковник Глоба послал шефу жандармов еще специальный донос на Салтыкова. Донос этот связан с покушением Каракозова на Александра II. Как известно, спасителем царя был признан костромской крестьянин Осип Комисаров, якобы толкнувший Каракозова под руку и за это произведенный в

---

*) Эти отзывы о Салтыкове печатаются здесь впервые. Остальные данные и документы о Салтыкове в Пензе взяты из следующих статей:

1) К. М. Салтыков. „Интимный Щедрин" (М.—П., 1923, стр. 38—40);

2) М. Молебнов. „М. Е. Салтыков-Щедрин. Вокруг новых архивных материалов" („Трудовая правда", 1926, № 22);

3) П. Никишин. „К 100-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина" („Правда", 1926, № 23);

4) Б. Бухштаб. „После выстрела Каракозова". („Каторга и ссылка", 1931, № 5, стр. 61—67);

5) Н. Быстров. „М. Е. Салтыков в Пензе". („Волжская коммуна", 1936, №№ 21 и 24);

6) А. Храбровицкий. „Салтыков-Щедрин в Пензе" („Сталинское знамя", 1945, № 34).

дворяне. По этому поводу жандармский штаб-офицер сообщает, что „Председатель Пензенской Казенной Палаты, Статский Советник Солтыков, позволил себе выразить свое негодование на Государя Императора за эту награду г. Комисарова".

„Один из самых почтеннейших и умных пензенских дворян,—продолжает Глоба,—семидесятилетний старик Иван Васильевич Сабуров, по всегдашнему ко мне доверию, с грустию передал мне, что г. Солтыков говорит и признает обидою и унижением для дворян возведение мужика за такой поступок в дворянское звание. При этом Иван Васильевич Сабуров присовокупил, что в словах г. Солтыкова звучало как будто негодование на г. Комисарова за его великое дело, свыше ему внушенное.

Г. Солтыков с небольшим год находится в Пензе и уже второй раз, что мне известно, позволил себе так неблагонамеренно и дерзко высказываться: Первый раз,—в доме того же Ивана Васильевича Сабурова, при разговоре о литературных трудах издателя „Московских ведомостей" г. Коткова, г. Солтыков выразил свое мнение в следующих словах: —„Котков негодяй, он передался дворянам, которые поддерживают самодержавие". С того времени Иван Васильевич Сабуров, как человек весьма благонамеренный, старался сколь возможно реже встречаться с г. Солтыковым, чтобы избежать с ним

подобного разговора, оскорбляющего чувство всякого благонамеренного человека.

За г. Солтыковым я постоянно слежу и, по совести; осмеливаюсь доложить Вашему Сиятельству, что он весьма неблагонадежного образа мыслей и вредного в политическом отношении нравственного направления: г. Солтыков из числа тех исключительных личностей, которые стараются воспользоваться каждым удобным случаем, чтобы затронуть самолюбие дворян—так или иначе, лишь бы только привить мысль, ослабляющую верноподданнические чувства. Он одинаково вредно направил и супругу свою, которая в обществе не стесняясь проповедует безбожие и смеется над дамами, соблюдающими посты и посещающими церковь.—Всего более прискорбно, что г. Солтыков приобрел такое сильное влияние на Г. Пензенского Губернатора, что Действительный Статский Советник Александровский, зная хорошо направление г. Солтыкова и его супруги, все-таки продолжает вести с ними семейную тесную дружбу.

О чем считаю долгом почтительнейше донести Вашему Сиятельству и присовокупить, что г. Солтыков, как литератор, во мнении некоторых лиц в Пензе и, в особенности, в среде служащих по акцизу, считается весьма умным человеком и пользуется между ними авторитетом; а с Управляющим Пензенским Акцизом, Бароном Розеном, человеком давно уже не отличающимся доб-

рыми верноподданическими чувствами, — ведет большую приязнь".

Донос довольно нескладен и противоречив. Салтыков, по понятию Глобы, то проникнут таким дворянским гонором, что возведение „мужика" в дворянство „считает обидою и унижением", то за защиту интересов дворянства и самодержавия зовет Каткова негодяем. Первое неправдоподобно по существу, второе — по форме. Вряд ли бы Салтыков стал так резко бравировать крайними взглядами в обществе „весьма благонамеренных" пензенских дворян.

Есть указания на то, что Салтыков принужден был до известной степени сообразовываться со своим положением видного губернского чиновника — хотя бы в самых внешних проявлениях. Он аккуратно выстаивал по праздникам обедню в соборе, наносил полагающиеся визиты, изменил даже самую наружность.

Е. Жуковская описывает, как Салтыков перед отъездом в Пензу пришел прощаться „уже с бритыми усами, как полагалось в то время чиновникам... Увидя Салтыкова как-то странно подбирающим губы и не сообразив, что он сбрил свои усы, я невольно усмехнулась на него глядя. Он тотчас же отнес мою улыбку к насмешке над его чиновничеством.

—Что, небось, смеетесь надо мною, что в чиновники пошел?—задето сказал он мне".

По воспоминаниям старого пензенца профессора Д. М. Львова, пензенские семинаристы „ходили по воскресным и праздничным дням к обедне в собор только для того, чтобы увидеть владевшего тогда их умами автора „Губернских очерков" и „Невинных рассказов", которые в то время уже пользовались большой популярностью.

„Мы, бурсаки,—говорит проф. Львов,—обычно до начала обедни занимали места около клироса, чтобы быть вблизи того места, на котором всегда стояли губернатор, вице-губернатор и управляющий казенной палатой. Заняв выгодные позиции, мы всю обедню не спускали глаз с Салтыкова".

Другой автор дает несколько иную версию:

„Старожилы рассказывают, что отношения Салтыкова с губернской верхушкой были настолько натянуты, что в соборе М. Е., увидев, что губернатор и вся чиновничья свора стояли в правом клиросе, сам обязательно становился в левом".

Быть может, Салтыков сперва становился в соборе рядом с губернатором и вице-губернатором в качестве третьей по значению чиновной особы в Пензенской губернии, а когда отношения испортились, стал избегать других „особ"; во всяком случае, в собор он продолжал ходить. Этим маркировать чиновнику, видимо, было невозможно. По воспоминаниям одного из рязанских сослу-

живцев, Салтыков был уволен из Рязани в отставку по доносу губернатора, который „наговорил в Петербурге на Салтыкова разные разности и между прочим, что он не ходит в табельные дни наравне с другими чиновниками в собор и не является к нему, губернатору, со служебными визитами на Новый год и другие большие праздники, что Салтыков социалист и нигилист".

Как бы то ни было, из доносов Глобы видно, что с пензенским дворянским обществом Салтыков был в дурных отношениях. Как явна ненависть к нему 78-летнего *) И. В. Сабурова, систематически передающего жандарму (и, видимо, с изменениями и дополнениями) высказывания Салтыкова! А И. В. Сабуров—не рядовой дворянин, это „культурный" помещик и писатель по сельскохозяйственным вопросам.

Мы видели выше, что Глоба обвинял Салтыкова в разжигании ссоры между губернатором и дворянством. Среди дел „Третьего отделения" (тогдашней политической полиции), заведенных по склокам Глобы, имеется специальное дело „о неприязненных отношениях, возникших между пензенским губернатором Александровским и тамошним губернским предводителем дворянства Араповым" (1865 г., № 434). Здесь опять упоминается Салтыков. Ссора между губернато-

*) Глоба пишет „семидесятилетний", но это не точно. Ср. некролог И. В. Сабурова в Пензенских губернских ведомостях 1873 г., № 110.

ром и председателем началась, по словам Глобы, с того, что Салтыков потребовал от губернских властей взыскать с председателя Арапова недоимку, которую тот упорно не платил. Требование это, по мнению Глобы, было предъявлено „с умыслом" и обличало неприязнь Салтыкова к дворянству.

Отзывы Глобы не были забыты. Когда впоследствии министр внутренних дел решил добиться отставки Салтыкова, в „Третьем отделении" для него была изготовлена записка о Салтыкове. Здесь, между прочим, было сказано: „Состоя в должности председателя Пензенской казенной палаты, он успел поссорить губернатора с дворянами".

Естественно, что неподкупная деятельность Салтыкова, пресекавшего уклонения помещиков от налогов, вызывала к нему вражду. Естественно, что и его взгляды и его писательский облик были ненавистны кругу пензенских дворян. Но указания Глобы на участие Салтыкова в губернских интригах, как и на его „семейную тесную дружбу" с губернатором, более чем подозрительны. Вероятнее всего, что выдуманной „дружбой" жандарм хотел скомпрометировать и губернатора, с которым у него были свои счеты.

Вот что писал сам Салтыков об этом губернаторе уже в цитированном письме к Анненкову:

„Губернатор здешний вот каков: происхождения из польской шляхты, попал на служ-

бу к князю Воронцову, был у него чем-то вроде метр-д'отеля, имел значительный рост и атлетические формы, приглянулся княгине и удостоился разделять ее ложе. Вследствие сего, приобрел силу и у Воронцова, когда тот наместничал на Кавказе, и получал самые лакомые тела. Между прочим, на долю его выпало следствие о греке Посполитаки, известном откупщике, который не гнушался и приготовлением фальшивых денег. Уличив Посполитаки как следует, Александровский (это губернатор-то и есть) предложил ему такую дилемму: или итти в Сибирь, или прекратить дело и отдать за него, Александровского, дочь с 6 миллионами приданого. Выбран был последний путь, и вот теперь этот выходец—обладатель обольстительной гречанки (от которой теперь, впрочем, остались только кости и кожа) и баснословного богатства. Кроме того, Александровский приобрел 200 тысяч рублей следующим образом. Брат его служил адъютантом у Бебутова, который, как известно, не имеет бессребренничества в числе своих добродетелей. После какой-то победы он послал адъютанта своего в Петербург с известием и, пользуясь этим случаем, вручил ему 200 тысяч р., прося пристроить их в ломбарт. Николай сделал Александровского флигель-адъютантом, и тот, исполнивши поручение своего владыки, возвращался во-свояси с ломбартными билетами на имя неизвестного. Но на одной из станций

около Тифлиса встретился с каким-то проезжим, поссорился и получил пощечину. Должно быть, это сильно поразило новоиспеченного флигель-ад'ютанта, потому что он застрелился. Билеты перешли к брату, яко к наследнику, и хотя Бебутов писал к нему письма с усовещеваниями, но Александровский остался непоколебим".

Хорошо знавший Салтыкова издатель Л. Ф. Пантелеев пишет о нем в своих воспоминаниях: „Нуждаясь в службе, он принял место председателя казенной палаты в Пензе. Тут он не поладил с губернатором Александровским, человеком очень богатым, пользовавшимся особенной поддержкой министра Валуева; поэтому М. Е. был переведен в Тулу, но и здесь недолго удержался, вследствие крайне обострившихся отношений с губернатором Шидловским".

Гораздо более правдоподобна „большая приязнь" Салтыкова с управляющим акцизными сборами бароном Г. О. Розеном. Это был человек образованный, бывалый, нечуждый литературных интересов, племянник декабриста Розена. Салтыкова ближайшим образом сталкивала с Розеном служба, их могли объединять и юношеские воспоминания об Александровском лицее, где оба одновременно воспитывались. Розен через несколько лет был назначен директором департамента неокладных сборов министерства финансов. Салтыков и в Петербурге впоследствии дружески встречался с Розеном.

В среде служащих по акцизу Глоба усматривает основной круг поклонников Салтыкова. Интересно отметить в этой связи, что одним из ближайших помощников Розена—ревизором акцизных сборов—был в то время Александр Михайлович Жемчужников, брат поэтов А. М. и В. М. Жемчужниковых, участник—вместе с ними и с А. К. Толстым—сатирических произведений, печатавшихся под псевдонимом Козьмы Пруткова. Во время пребывания Салтыкова в Пензе Жемчужников был назначен пензенским вице-губернатором.

В Пензе были отдельные люди, с которыми Салтыков мог дружески общаться, но в основном окружающие вызывали в нем уныние, и общий приговор его суров:

„О Пензе могу сказать одно: не похвалю,—пишет он Анненкову.—Это до того пошлый, отвратительный городишко, что мне делается тошно от одной мысли, что придется пробыть в нем долго... У меня начинают складываться Очерки города Брюхова, но не думаю, чтобы вышло удачно. Надобно, чтобы и в самой пошлости было что-нибудь человеческое, а тут, кроме навоза, ничего нет. И как плотно скучился этот навоз—просто любо. Ничем не разобьешь".

Отзыв этот относится, конечно, не к скромным труженикам Пензы, а лишь к „культурным людям", как насмешливо называл Салтыков тогдашние высшие классы, к кругу чиновников и помещиков, в ко-

гором он вращался в Пензе. Кличка „город Брюхов“ подчеркивает полное отсутствие духовных интересов в этом кругу. Брюхо—вот символ жизни пензенских помещиков и чиновников. Непрестанное наполнение брюха—вот их основной жизненный интерес и главная радость.

Именно такой колорит носит описание пензецкой жизни в двух произведениях Щедрина, относящихся, видимо, к концу шестидесятых годов. Это сатира „Испорченные дети“ и незаконченный—вернее, только начатый—рассказ „Приятное семейство“. Замыслы этих рассказов явно связаны между собой. Там и тут действие происходит в городе П., куда рассказчик приезжает с намерением раскрыть, а при нужде и спровоцировать, политический заговор,—но приходит в отчаяние, найдя общество погруженным от непрерывного обжорства в состояние отупения, при котором никакие идеи не могут идти на ум.

П. описывается как губернский город в черноземной области, на небольшой реке, „в стороне от бойких путей сообщения“. Герой „Испорченных детей“, после своих полицейских подвигов в П., приобретает имение в Саранском уезде Пензенской губернии. Исследователи творчества Щедрина считают бесспорным, что под городом П. в обоих произведениях надо понимать Пензу.

Характеристика быта города П. в обоих произведениях совершенно одинакова. „Каж-

дый день,—читаем в „Приятном семействе“, в пяти—шести местах званый обед, и везде что-нибудь необыкновенное, грандиозное... Один щеголяет стерляжьей ухой, в которой плавают налимьи печенки; другой поражает двухпудовым осетром, привезенным на почтовых из С.; третий подает телятину, в которой все мясные волокна поросли нежным жиром; четвертый предлагает поросенка, который только что не говорит“.

„... В П. вас сразу ошибает запах еды, и вы делаетесь невольно поборником какой-то особенной религии, которую можно назвать религией еды. Но когда корнет Шилохвостов расскажет вам, что он налима, предназначенного для ухи, предварительно сечет, дабы печень его от огорчения увеличилась, что он индейке, предназначенной для жаркого, предварительно зашивает проход, дабы возбудить в ней нестерпимую жажду, которая тут же и удовлетворяется цельным молоком, и когда он и этого страдальца-налима и эту страдалицу-индейку подает вам за обедом,—клянусь, вы не выдержите и скажете: Мамон, я твой! я твой—навсегда!“

В „Испорченных детях“ Щедрин описывает день дворянина в П., как непрерывное потребление чудовищных количеств пищи; так, за обедом „съедается несколько больших и малых животных и в соразмерности рыб и птиц“. Иронически уверяя, что в П. губернии „всякое сословие лакомится свой-

ственными ему лакомствами", Щедрин перечисляет эти лакомства. При этом лакомством „мужика" оказывается хлеб — да и то в урожайные годы.

Так разъясняется кличка „город Брюхов". В художественном творчестве Щедрина перед нами раскрывается смысл и другого выражения из салтыковской характеристики пензенской жизни: „И как плотно скучился этот навоз—просто любо. Ничем не разобьешь". Салтыков имеет здесь в виду, очевидно, круговую поруку пензенских „господ", при которой рука руку моет, каждый другого покрывает—и горе тому, кто попробует нарушить интересы любого представителя дворянского сословия,—хотя бы во имя законов дворянского государства.

Спустя почти двадцать лет после пребывания в Пензе, Салтыков дал в „Пошехонских рассказах" такую характеристику былой жизни пензенского дворянства:

„Пензенская губерния в то время страною волшебств была. Куда, бывало, ни повернись — везде либо Арапов, либо Сабуров, а для разнообразия на каждой версте по Загоскину да по Бекетову. И ссорятся, и мирятся—все промежду себя; Араповы на Сабуровых женятся, Сабуровы—на Араповых, а Бекетовы и Загоскины сами по себе плодятся. Чужой человек попадется—загрызут. Однажды самого губернатора в осаде держали за то, что он это волшебство разъ-

яснить хотел. И выжили-таки. Ни дать, ни взять Чурова долина".

Арапов и Сабуров уже упоминались в предыдущем изложении. Бекетовы и Загоскины—действительно распространенные в Пензенской губернии дворянские фамилии; пензенцами, в частности, были писатель Загоскин и ботаник Бекетов. Во время пребывания Салтыкова в Пензе председателем губернской земской управы был А. Н. Бекетов, а одним из членов ее—С. М. Загоскин. „Губернатор в осаде", очевидно, восходит к воспоминаниям Салтыкова о „вражде губернатора с дворянством". Не знаем, „выжили" ли Александровского, но он, действительно, недолго оставался пензенским губернатором; в 1867 году он был переведен на службу в Петербург.

В „Письмах о провинции" встречаем такую фразу: „Кто поверит, например, чтобы в губернии мог занимать видное место и виртуозничать человек, значащийся по всем документам умершим? А между тем этот факт у всех на памяти". Именно такой случай был в Пензе при губернаторе Панчулидзеве, скрывавшем от суда своего приближенного под видом умершего.

Но не часто обнаруживается в произведениях Щедрина подобного рода конкретно-фактическая подкладка. Жизненные впечатления подвергаются в его творчестве обобщению и часто гротескно-комическому переосмыслению, так что раскрытие первоначаль-

ных впечатлений, легших в основу произведения, становится трудным и спорным.

Характерный пример—глава „Органчик" в „Истории одного города". Герой рассказа — градоначальник, у которого вместо мозга был органчик, исполнявший лишь два слова: „разорю" и „не потерплю". Образ градоначальника-куклы—едкое обобщенное изображение царской бюрократии, но любопытно, что толчок к созданию этого образа, по нескольким свидетельствам, дан конкретным лицом—тульским губернатором Шидловским, с которым Салтыков служил непосредственно после пензенского периода.

В „Испорченных детях" в таких же фантастических тонах описывается разбойник, впоследствии становящийся крупным чиновником. По формулировке одного из действующих лиц, рассказ „позволяет думать, что, будучи предварительно разбойником, можно со временем сделаться администратором". Можно думать, что толчок к созданию этого образа дала история Александровского, ставшего пензенским губернатором после уголовных дел, описанных в письме Салтыкова. Мы думаем, что и образ второго героя „Испорченных детей", „доброго служаки" в П., также навеян одним из пензенских администраторов. Из рассказа ясно, что „добрый служака" занимает в П. должность губернского жандармского штаб-офицера. Вот повествование о начале его деятельности:

„Приехавши в П., я немедленно приступил к делу, т. е. начал стороной выведывать, в каких отношениях находится губернский предводитель к губернатору, не разжигают ли акцизные чиновники народных страстей, какого рода конституции изготовляют чиновники контрольные и проч., и проч".

Вспомнив, как раздувал подполковник Глоба „неприязненные отношения" между губернским предводителем и губернатором, как он набрасывал тень на акцизных чиновников,мы вправе предположить, что именно от Глобы идет этот образ „доброго служаки" в городе П.

Пензенские впечатления лежат в значительной степени в основе всего, что Салтыков написал о пореформенной провинции во второй половине 60-х годов. Салтыков много пишет в это время о земстве. Земские учреждения начали вводиться с 1865 года, то-есть именно тогда, когда Салтыков был в Пензе, и первые впечатления, определившие отношение Салтыкова к земству,—именно пензенские. Но, конечно, теперь нет возможности отслоить эти пензенские впечатления от тульских или рязанских.

IV

Тула и Рязань были последними этапами чиновничьей службы Салтыкова. В 1866 году Салтыков был назначен управляющим Тульской казенной палатой, но меньше чем через год, по просьбам тульского губернатора Шидловского, министр финансов Рейтерн перевел Салтыкова на ту же должность в Рязань. Приехав туда, Салтыков немедленно вступил в конфликт с губернатором Болдыревым, тот также стал жаловаться, и министр внутренних дел решил добиться отставки Салтыкова. Он обратился к содействию шефа жандармов. В записке, составленной в связи с этим в „Третьем отделении", было сказано:

„Управляющий Рязанской казенной палатою действительный статский советник Салтыков в продолжение всей своей служебной деятельности по ведомствам и Министерства внутренних дел и Министерства финансов постоянно обращал на себя внимание высшего правительства, как чиновник, проникнутый идеями, не согласными с видами госу-

дарственной пользы и законного порядка; кроме сего, имея превратные понятия о своих служебных обязанностях и о своем назначении, он всегда держал себя в оппозиции к представителям власти в губернии, не только порицая их, но даже противодействуя их мероприятиям".

Царь Александр II велел уволить Салтыкова в отставку. Это было в 1868 году.

Отставка шла навстречу собственным намерениям Салтыкова. В конце 1867 года Некрасов арендовал журнал „Отечественные записки," с тем, чтобы сделать его идейным продолжателем „Современника", закрытого правительством в 1866 году. Некрасов пригласил Салтыкова стать соредактором этого журнала, и Салтыков принял предложение. Он переехал в Петербург, и с этого времени вся жизнь его была отдана целиком и исключительно литературной и журнальной работе.

Редактором Салтыков был замечательным.

„Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь оно жестоко,—писал Некрасов,—Салтыков нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним, как могли".

После смерти Некрасова все хлопотливое дело ведения журнала легло на Салтыкова.

„Сколько самых неусыпных трудов, тревог и забот доставляли ему „Отечественные записки",—об этом хорошо знают все

сотрудники (писал один из них). Он читал рукописи по беллетристике, правил их и готовил к печати, просматривал корректуры всех отделов журнала, вел переписку с некоторыми из иногородних сотрудников, сам писал статьи (иногда по две в месяц, т. е. статью и маленький фельетон), имел объяснения с цензурой и т. д., словом, он весь был в журнале, всего себя в него вкладывал и жил в нем душою. Работал он очень много, так много, как может работать только очень привычный и сильный работник. Трудно даже понять, как это согласовалось и уживалось со слабостью его физических сил и давно уже начавшимися разными болезнями и недомоганиями; а объяснить себе это можно разве только одним: необыкновенною его любовью к литературе и тою тесною связью, какая существовала между нею и личною его жизнью. Весь досуг, все передышки между приступами болезни и ночные бессонницы, все печали и радости, мечты и помыслы—все отдавалось литературе. Жить для него значило писать или что-нибудь делать для литературы".

Салтыков стремился вести журнал в революционно-демократических традициях 60-х годов, но в 70-е—80-е годы идейный уровень русской революционной мысли понизился от просветительства к народничеству, от Чернышевского к Михайловскому. Салтыков вынужден был блокироваться с народ-

никами, не разделяя их теоретических взгля-дов. В сущности, он был очень одинок идейно, особенно в 80-е годы. В обществе в эти годы царила реакция, крестьянство оставалось пассивным, и на его восстание надежд не было, деятельности тогдашних революционеров, одиночек-террористов Салтыков не одобрял, пролетариат был еще не организован, и перспективы пролетарской революции у Салтыкова не было. Горячо веря в грядущее обновление жизни, Салтыков не видел в настоящем непосредственных путей к нему: поэтому и звучит во многих его писаниях этой поры такой мрачный тон.

Тем не менее, все сочинения Салтыкова играли громадную революционную роль. Всей своей деятельностью он подрывал существовавший строй: изо дня в день он разоблачал и клеймил самодержавие, царских чиновников-„помпадуров", „дикого помещика", „мироеда"-кулака, либерала, всегда поступающего „применительно к подлости".

„Еще Некрасов и Салтыков,—говорит Ленин,—учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов".

Шестнадцать лет, отданных Салтыковым „Отечественным запискам" (1868—1884), были в то же время наиболее плодотворным периодом его литературной деятельности. Салтыков писал чрезвычайно много, и в числе

его писаний этого времени такие шедевры, как „История одного города", „Помпадуры и помпадурши",„Господа ташкентцы", „Благонамеренные речи", „Господа Головлевы", „Современная идиллия".

Салтыков достигает к этому времени максимальной художественной выразительности и идейной четкости.

„Я могу каждое свое сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они именно направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят."

Так писал Салтыков в 1871 году. А через десять лет он дает еще более определенную формулу:

„Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет".

Дворянское государство Салтыков изобразил в „Истории одного города". Это книга о деспотизме и произволе русской самодержавной монархии. В этой книге сатирически использованы образы многих исторических лиц. Так, градоначальник Грустилов похож на Александра I, градоначальник Беневоленский, одержимый страстью писать законы,—на знаменитого законодателя Сперанского, „идиот" и „прохвост" Угрюм-Бурчеев—на всесильного александровского временщика Аракчеева. Но Щедрин рисовал не личные карикатуры, а образы широкого значения. В истории его ин-

тересовало то, что было характерно и для его современности. „История одного города"—сатира на государственную жизнь царской России. „Историческая" сатира вовсе не была для меня целью,—объяснял Щедрин,—а только формою. Я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей".

Дворянско-помещичья семья гениально изображена Щедриным в „Господах Головлевых".

Опустошенные праздной и бесцельной жизнью помещики Головлевы не способны ни к какой разумной деятельности. Только бессмысленная жадность и скупость руководят их поступками. Наиболее яркий представитель этой семьи—Порфирий Головлев, прозванный „Иудушкой". Лживый, наглый, двоедушный, елейно-ласковый пустослов и лицемер, он предан одной цели: завладеть имуществом матери и братьев. Копить ему не для кого: два его сына—непригодные к жизни, вырожденные люди -гибнут из-за его отказа поддержать их.

Загубивший и потерявший всех близких, Иудушка целыми днями вьет паутину, в которую должны попасть крестьяне (уже „свободные"): он донимает их штрафами, процентами, отработками, но его помещичье хозяйство, которое он не умеет вести, падает и разрушается. Вся его деятельность—одно бесплодное мучительство.

Одинокий, оброшенный, дикий старик от

гораживается, в конце концов, от всех в своем кабинете, предается целыми днями мечтам о сказочных прибылях, мысленно „опутывает целый мир сетью кляуз, притеснений и обид". Под конец он спивается и гибнет.

Нигде в русской литературе разложение помещичьего класса не показано с такой страшной силой, как в образах „Господ Головлевых".

В „Благонамеренных речах", „Убежище Монрепо" и ряде других произведений впервые в русской литературе выведен новый хозяин жизни, „столп" буржуазной собственности, семьи и государства—кулак. Он изображен как грабитель, лживый патриот и лицемерный семьянин. Новое, кулацкое хищничество, как и старое, помещичье, нашло отображение и осуждение в сатире Щедрина.

Щедрин выступает и как критик. В ряде статей и рецензий он пропагандирует революционно-демократические взгляды на литературу. Он бичует фальшь, безыдейность, бессодержательность, эстетизм, требуя от писателя „участия в общем течении жизни", ясности мировоззрения, пропаганды передовых взглядов.

„Без ясно сознанной идеи, - говорит он, художественное произведение является сбродом случайностей, в котором даже искусно начертанные образы теряют значительную долю своей цены".

„Общественное значение писателя (а какое же и может быть у него иное значение?) в том именно и заключается, чтобы пролить луч света на всякого рода нравственные и умственные неурядицы, чтоб освежить всякого рода духоты веянием идеала."

Старость Салтыкова была мучительной. Тяжелая болезнь терзала его много лет и в 63 года (28 апреля—10 мая нового стиля 1889 года) свела в могилу.

Болезнь особенно усилилась после того, как правительство в 1884 году закрыло „Отечественные записки", и Салтыков лишился возможности „ежемесячно беседовать с читателем". Отныне он мог печататься только в глубоко чуждых ему по духу либеральных изданиях, главным образом, журнале „Вестник Европы" и газете „Русские ведомости".

Силы Салтыкова быстро падали, но и мучимый тяжелой болезнью он создает такие замечательные произведения, как „Сказки", „Мелочи жизни," „Пошехонская старина".

„Пошехонская старина" была последней книгой Щедрина. Неизлечимо больной, в преддверии смерти, он переносился мыслями к своему безотрадному детству и рисовал широкую и страшную картину жизни помещичьей усадьбы при крепостном праве.

Несколько раз Салтыков ездил лечиться за границу, но поправлялся плохо и всегда страшно тосковал по родине.

„Тебе нигде не живется такою полною, горячею жизнью, как под сенью твоего отечества,—писал он.—Только тут, только охваченный волнами родного воздуха, ты чувствуешь себя способным к жизни существом".

Горячая любовь к родине и родному народу, вера в его будущее,—вот что давало Салтыкову силу жить и мыслить. Но эта же любовь была источником постоянных терзаний. Он выразил это в прекрасных словах своей сказки „Приключение с Крамольниковым":

„Крамольников горячо и страстно был предан своей стране и отлично знал как прошедшее, так и настоящее ее. Но это знание повлияло на него совершенно особенным образом: оно было живым источником болей, которые, непрерывно возобновляясь, сделались, наконец, главным содержанием его жизни, дали направление и окраску всей его деятельности. И он не только не старался утишить эти боли, а, напротив, работал над ними и оживлял их в своем сердце. Живость боли и непрерывное ее ощущение служили источником живых образов, при посредстве которых боль передавалась в сознание других."

75183

Редактор *З. Гусева.*
Тех. редактор *Г. Горенштейн.*
Обложка худ. *М. Валукина.* Корректор *А. Мурашова.*

ФЛ05205. Заказ 319. Подписано к печати 7 мая 1947 г.
Об'ем 4 п. л. Тираж 5000.

Типография Пензенского областного издательства.
Пенза, ул. Кирова, 65

Книга должна быть возвращена не позже указанного здесь срока

5241	10/IV
3058	27/V
6674	9/X
3291	20/II
3640	19/3
1488	24/3

Колич. предыд. выдач_____

Цена **2** р. 50 к.